

PROBLEMS OF USING THE DECISIONS OF THE EUROPEAN COURT OF HUMAN RIGHTS IN THE CRIMINAL TRIALS BY THE COURTS OF THE RUSSIAN FEDERATION

Abstract. The paper is devoted to the problems of using the decisions of the European Court of Human Rights in the criminal proceedings of the courts of the Russian Federation. It reflects the results of the author's research; its primary goal was to understand how the landmark decisions of the ECHR are taken into account and applied in the criminal trials of the RF courts and which factors prevent the advancement of this practice. The generalization and comparative analysis of statistical data, court practice and a survey of judges allowed the author to study the dynamics of Russian courts' attitudes to the use of the Strasbourg Court decisions in criminal proceedings and to show the transformation of the judges' views on this point; the author refers to the examples of court practice to describe the ways in which the decisions of the European Court of Human Rights are used in criminal trials. The author also focuses on the urgent problems of using the legal positions of the European Court of Human Rights in the decisions of Russian courts and identifies the causes of these problems. The results of the conducted research allow the author to state that the relevance of the ECHR practice in criminal courts has been steadily growing in recent years. In spite of this, the level and quality of applying the decisions of the European Court of Human Rights remain low due to the absence of the tradition of adjudicating based on precedent in Russian justice and the insufficient experience and skills of the judges in actually applying the specific decisions of the Strasbourg Court. The author comes

---

[♦] **Burmagin, Sergey V.** - Ph.D. in Law, Ass. Professor, Senior Researcher, Northern Institute of Entrepreneurship, Arkhangelsk, the Russian Federation; e-mail: SerBurmagin@yandex.ru.

to the conclusion that it is necessary to clearly determine the status of the ECHR decisions in the legislation of the Russian Federation and to work out practical recommendations and methods for the use of the Strasbourg Court resolutions in the adjudications of Russian courts. These conclusions could be used in further theoretical juridical studies aimed at enhancing the efficiency of the court protection of human rights as well as in the process of improving the practices of Russian courts in this sphere.

Keywords: Human rights; the European Court of Human Rights; ECHR; criminal trial; court; precedent; legal position; interpretation; fair trial; judicial decision.

Конвенция о защите прав человека и основных свобод 1950 г. (далее - Конвенция), ратифицированная Федеральным законом от 30 марта 1998 г. № 54-ФЗ, является составной частью правовой системы Российской Федерации. В силу ч. 4 ст. 15 Конституции РФ и ч. 3 ст. 1 Уголовно-процессуального кодекса РФ 2001 г. Конвенция выступает в качестве источника уголовно-процессуального права России, подлежит применению в уголовном судопроизводстве наравне с нормами российского уголовно-процессуального законодательства и даже имеет приоритет перед ними, так как обладает большей юридической силой. Положения Конвенции требуют от российской власти не только соблюдать, но и охранять закрепленные в ней права человека во всех сферах общественной жизни. Права и свободы человека и гражданина обеспечиваются правосудием (ст. 18 Конституции РФ), которое в России осуществляется судом в различных формах, в том числе в форме уголовного судопроизводства (ст. 118 Конституции РФ). Таким образом, судебная власть призвана гарантировать защиту прав личности в ходе производства по уголовному делу, а эта задача предполагает неукоснительное соблюдение в уголовном процессе гуманитарного законодательства, к которому относится Конвенция.

Однако непосредственное применение Конвенции в конкретных делах осложнено, как известно, тем, что «convention articles are drafted in very vague and imprecise terms» [1], они оставляют излишний простор для их толкования и порождают неопределенность относительно истинного содержания закрепленных в них прав. В этой связи важнейшее значение с точки зрения правильного понимания и применения положений Конвенции национальными судами приобрела практика Европейского суда по правам человека (далее - Страсбургский суд, ЕСПЧ), в решениях которого в соответствии с его компетенцией (ст. 32 Конвенции) раскрывается смысл и содержание прав человека и основных свобод, а также гарантий этих прав.

Конвенция действует в РФ почти 20 лет, и большинство международно-правовых принципов и стандартов правосудия, выработанных на ее основе Страсбургским судом, закреплены в УПК РФ либо внедрены в уголовный процесс через судебную практику. Тем не менее в значительной степени актуальными остаются проблемы использования судами РФ правовых позиций ЕСПЧ при оценке конкретных правовых ситуаций (казусов) с позиции соблюдения прав человека и обеспечения справедливого судебного разбирательства, а также применения российскими судами прецедентов ЕСПЧ в своих решениях. Острота проблемы заключается в том, что, с одной стороны, применение Конвенции невозможно без прецедентных решений ЕСПЧ, посредством которых осуществляется динамичная интерпретация прав человека, раскрывается их смысл и содержание, с другой стороны, в Российской Федерации судебный прецедент официально не является источником права, а также отсутствует традиция его применения судами. Данное противоречие до сих пор не разрешено ни в теории права, ни в правоприменительной практике.

В целом российская правовая наука больше внимания уделяет раскрытию содержания положений Конвенции на основе анализа различных решений ЕСПЧ. Этим вопросам посвящена обширная юридическая

литература, в том числе в сфере уголовно-процессуального права [2-10]. В ряде работ (В.И. Анишиной, С.В. Бурмагина, О.В. Девятовой, П.А. Королькова, А.Б. Дидикина, А.Л. Осипова, А.С. Барабаш, Т.В. Шутемовой, А.Л. Буркова и других ученых) всесторонне освещено влияние практики ЕСПЧ на развитие уголовного судопроизводства России, исследован механизм ее воздействия на уголовно-процессуальное законодательство и судебную практику [11–21]. В то же время, по нашему мнению, незаслуженно мало внимания уделено проблемам использования судами практики ЕСПЧ при оценке доказательств, при обосновании и мотивировании собственных решений. Притом что обязательный для российского правосудия характер решений ЕСПЧ и содержащихся в них толкований прав человека признается большинством ученых и практиков, остаются слабо разработанными вопросы, касающиеся методики использования правовых позиций Страсбургского суда для разрешения уголовных дел. К немногим исследованиям в указанном направлении относятся статьи В.И. Анишиной [11] и И.В. Рехтиной [22; 23], в которых указываются причины, создающие препятствия для использования правовых позиций ЕСПЧ российскими судами при осуществлении правосудия, и обозначена проблема отсутствия надежного механизма применения постановлений ЕСПЧ. Интересна по содержанию и наиболее обстоятельна работа А.Л. Буркова, посвященная проблемам и методам применения Конвенции в судах России [24], но при всех своих положительных свойствах она все же в большей степени, как и исследование И.В. Рехтиной, затрагивает гражданское судопроизводство и не отражает наметившиеся в последние годы позитивные тенденции.

В настоящей статье акцент делается на применении Конвенции и решений ЕСПЧ в уголовном правосудии, и это важно по нескольким причинам. Во-первых, уголовный процесс — сфера деятельности, несущая наибольшую угрозу правам и свободам человека, и, следовательно, их

защита наиболее актуальна для уголовного судопроизводства. Во-вторых, в российской системе права в связи с предыдущей причиной практика ЕСПЧ в наибольшей степени и чаще воздействует именно на уголовное правосудие. В-третьих, проблема соблюдения Конвенции, по верному замечанию А.Л. Буркова, «состоит в первую очередь в ее применении на практике, нежели в закреплении в законах и нормативных актах» [там же, с. 291]. В-четвертых, на решения ЕСПЧ в первую очередь реагирует судебная власть (это характерно не только для российского судопроизводства), которая под влиянием правовых позиций ЕСПЧ корректирует толкование и применение существующих процессуальных правил, а уже после практической доработки судебных процедур законодатель вносит соответствующие изменения в УПК РФ.

Вопросы о правовой природе (прецедентном характере) решений ЕСПЧ, о порядке их применения и обязательности для национального правоприменителя являются одними из наиболее дискуссионных как в России [15; 16; 22; 25; 26], так и за рубежом. В странах Европы данная проблема разрешается различным образом. Украинский юрист Ю. Попов считает, что решения ЕСПЧ следует рассматривать как имеющие значение убедительных прецедентов (*persuasive precedent*), не создающих сами по себе прецедента в буквальном смысле, но с учетом авторитета суда, который их принял, существенно влияющих на практику других судов, при этом не являющихся обязательными для них. В подтверждение своего вывода Ю. Попов ссылается на практику Высшего суда Украины, который в ряде аналогичных решений проигнорировал позиции ЕСПЧ по делу «Сокуренько и Стригун против Украины» от 20 июля 2006 г. [27].

В Англии, стране общего права, где прецедентам отводится особая роль источника права, в случае конфликта между прецедентом ЕСПЧ и прецедентом высшей судебной инстанции страны приоритет применения отдается прецеденту национального суда [28]. В Германии немецкие суды,

напротив, вынуждены следовать практике, создаваемой ЕСПЧ, даже если это не соответствует положениям УПК ФРГ. К этому их обязывают разъяснения Федерального конституционного суда ФРГ и Высшего суда ФРГ, которые требуют учитывать положения Конвенции при уяснении норм немецкого уголовно-процессуального права [29, с. 26]. В Норвегии, как отмечает профессор J.P. Rui, существует общая тенденция, заключающаяся в том, что норвежские власти придают слишком много веса решениям ЕСПЧ [1].

Применительно к России проблема применения прецедентов ЕСПЧ судами обусловлена отсутствием законодательного закрепления решений ЕСПЧ в качестве источника права, неопределенностью относительно формы и степени их обязательности. Тем не менее общеобязательность правовых позиций Страсбургского суда, содержащих толкование закрепленных в Конвенции прав и свобод, которые должны учитываться, в том числе и правоприменительными органами при применении соответствующих норм права, подтверждена Конституционным Судом РФ (постановления КС РФ от 27 июня 2000 г. № 11-П, от 1 января 2001 г. № 2-П, от 12 марта 2001 г. № 4-П, от 30 июля 2001 г. № 13-П и др.). Председатель Конституционного Суда РФ В.Д. Зорькин в своих выступлениях неоднократно подчеркивал, что прецеденты ЕСПЧ признаются Российской Федерацией как имеющие обязательный характер и оцениваются Конституционным Судом РФ как источник права [30; 31]. На прецедентное значение и обязательность для всякого правоприменителя решений ЕСПЧ указывают и судьи Конституционного Суда РФ С.Н. Бондарь и Б.С. Эбзеев [32; 33].

Таким образом, поскольку решения ЕСПЧ, принятые в отношении России, обязательны для ее правовой системы и, следовательно, для российских судов, последние при рассмотрении конкретных уголовных дел обязаны учитывать даваемые Страсбургским судом толкования и интерпретации прав человека и основывать свои решения на правовых позициях, изложенных в постановлениях ЕСПЧ, ориентироваться на

разработанные им стандарты соблюдения прав человека при осуществлении уголовного правосудия.

Верховный Суд РФ еще в 2003 г. указал, что неправильное применение судом общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров России может являться основанием отмены или изменения судебного решения, а применение судами Конвенции о защите прав человека и основных свобод во избежание любого ее нарушения должно осуществляться с учетом практики Страсбургского суда (пп. 9, 10 постановления Пленума Верховного Суда РФ «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации» от 10 октября 2003 г. № 5). Перед судами возник вопрос: как применять Конвенцию и каким образом «учитывать» прецеденты и позиции ЕСПЧ в условиях неопределенности статуса его решений и отсутствия единообразно установленного порядка их применения? Данное обстоятельство являлось и остается по сегодняшний день основным фактором, препятствующим прямому применению в российских судах прецедентных решений ЕСПЧ наравне с позитивным правом. Другими причинами, затруднявшими внедрение на территории РФ практики ЕСПЧ в уголовное правосудие в первые годы действия Конвенции, были отсутствие у судей глубоких знаний и опыта применения Конвенции, отсутствие официальных источников опубликования решений ЕСПЧ в отношении РФ на русском языке, слабая информированность судей и других субъектов правоприменения об этих решениях, определенный правовой консерватизм, выражающийся в нежелании большинства судей отходить от традиционных форм и способов обоснования и мотивирования своих решений, отсутствие стимулов к изучению решений ЕСПЧ и их использованию в условиях большой загруженности судей уголовными делами и высокой интенсивности их работы, а также отсутствие позитивного примера со стороны вышестоящих судов.

Для преодоления перечисленных проблем и изменения правосознания судей и других профессиональных участников уголовного процесса потребовалось продолжительное время и значительные усилия. Поэтому, несмотря на то что указанное постановление Верховного Суда РФ 2003 г. ориентировало судей общей юрисдикции на обращение к нормам Конвенции и решениям ЕСПЧ, ситуация с их непосредственным применением в судебных актах улучшалась очень медленно.

Анализ практики применения российскими судами европейских правовых стандартов, выполненный в 2006 г. центром «Демос» в рамках исследовательского проекта «Проблемы имплементации решений Европейского суда по правам человека и норм Европейской конвенции в России»¹, показал, что в 2005–2006 гг. практика обращения российских судов к европейским стандартам и решениям ЕСПЧ начала расширяться благодаря резкому увеличению числа решений ЕСПЧ в отношении России и осознанию судьями важности обеспечения в своей деятельности прав человека и применения европейских стандартов правосудия; многочисленным программам обучения нормам Конвенции и научно-практическим конференциям; регулярному ознакомлению судей с решениями ЕСПЧ; участвующему использованию участниками судопроизводства Конвенции и решений ЕСПЧ при аргументации своих обращений и позиций, адресованных суду. В то же время в обзоре центра «Демос» отмечалось по-прежнему крайне редкое и ограниченное по регионам использование судами ссылок на конкретные нормы Конвенции и решения ЕСПЧ (особенно при разбирательстве уголовных дел), которые к тому же носят преимущественно абстрактный характер и не сопровождаются анализом конвенционных норм и правовых позиций ЕСПЧ, сопоставлением их с обстоятельствами конкретного дела. Данные выводы подтверждаются и результатами иных исследований.

---

¹ Применение российскими судами норм Европейской конвенции и решений Европейского суда. URL: <http://www.hrights.ru/text/b22/Chapter2%206.htm>.

Например, изучение практики реализации судами Архангельской области Конвенции и Протоколов к ней при рассмотрении уголовных дел показало, что в период с 1 января 2009 г. по 30 сентября 2010 г. только в 5 (из 23) районных и городских судах области имелись единичные факты принятия решений со ссылками на международные нормы, в том числе на Конвенцию. При этом в своих решениях суды ни разу не использовали постановления ЕСПЧ и не ссылались на них, а в представленных на обобщение запросах высказывали сомнение в целесообразности упоминания в судебных решениях постановлений ЕСПЧ и предлагали Верховному Суду РФ разъяснить основания и способы применения решений Страсбургского суда².

Таким образом, как справедливо отмечено в упомянутом выше обзоре центра «Демос», в условиях, когда законодательство РФ практически не описывает значение решений ЕСПЧ для российского правосудия и судьи не могут извлечь из разъяснений и практики вышестоящих судов «четкого руководства к действию», для единообразного и повсеместного применения решений ЕСПЧ требуется, чтобы законодатель или высшие судебные инстанции достаточно четко определили статус этих решений. Однако, как свидетельствуют данные центра «Демос» и результаты исследования А.Л. Буркова [24, с. 151-172], сам Верховный Суд РФ даже после 2003 г. крайне редко в своих решениях обращался к Конвенции и постановлениям ЕСПЧ, не давая нижестоящим судам образцы для подражания.

Тем не менее ситуация постепенно исправляется. Профессор А.И. Ковлер, будучи судьей Европейского суда по правам человека, в недавнем прошлом отмечал «впечатляющие усилия Верховного Суда РФ по стимулированию интереса и даже обязанности судей применять Конвенцию», приводя в качестве позитивных фактов частое использование в

---

² О практике реализации судами Конвенции о защите прав человека и Протоколов к ней, а также иных норм международного права при рассмотрении уголовных дел : справка судеб. коллегии по уголов. делам Арханг. обл. суда. URL: <http://oblsud.arh.sudrf.ru/modules.php?name=document&rid=5>.

аргументации постановлений кассационной и надзорной инстанций практики ЕСПЧ, ежегодное посещение Страсбургского суда сотнями российских судей; десятки проведенных во всех регионах России научных и обучающих семинаров; финансирование перевода на русский язык всех касающихся РФ постановлений ЕСПЧ; принятие постановлений Пленума Верховного Суда РФ с разъяснениями и рекомендациями, основанными на правовых позициях ЕСПЧ [34, с. 2].

Действительно, на сегодняшний день во многом благодаря целенаправленной работе Верховного Суда РФ проблема своевременного ознакомления судей с практикой ЕСПЧ снята. В правосознании российских судей прочно утвердилось понимание важности следования общепризнанным международным принципам и стандартам уголовного правосудия, выработанным Страсбургским судом на основе толкования и раскрытия сущности конвенционных прав человека и их гарантий.

Изложенное подтверждается проведенным нами в 2016 г. опросом 66 федеральных и мировых судей Архангельской области, рассматривающих уголовные дела: 53 из них уверенно ответили, что знакомы с международно-правовыми актами, в том числе Конвенцией; 59 заявили, что имеют возможность в достаточной степени знакомиться с решениями ЕСПЧ, при этом 55 судей отметили, что руководствуются международноправовыми актами и используют решения ЕСПЧ в своей практике, при этом 18 судей также считают возможным принимать во внимание решения в отношении других государств.

27 июня 2013 г. Пленум Верховного Суда РФ принял важное постановление № 21 - «О применении судами общей юрисдикции Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 года и Протоколов к ней», которое способствует дальнейшему внедрению в практику уголовных судов правовых позиций ЕСПЧ и побуждает суды активнее использовать его решения.

В этом документе Верховный Суд РФ ориентирует суды на то, что правовые позиции ЕСПЧ, которые содержатся в его окончательных постановлениях, принятых в отношении Российской Федерации, являются обязательными для судов и учитываются при применении российского законодательства. В частности, содержание прав и свобод, предусмотренных законодательством РФ, должно определяться с учетом содержания аналогичных прав и свобод, раскрываемого Страсбургским судом при применении Конвенции и Протоколов к ней (пп. 2, 3 постановления). Более того, Верховный Суд РФ призывает российские суды с целью эффективной защиты прав и свобод человека учитывать и правовые позиции ЕСПЧ, изложенные в окончательных постановлениях, принятых в отношении других государств - участников Конвенции, если обстоятельства рассматриваемого ими дела аналогичны обстоятельствам, ставшим предметом анализа и выводов ЕСПЧ (п. 2 постановления).

Таким образом, посредством указанного акта «разрешен старый спор о возможности применения правовых позиций ЕСПЧ судами общей юрисдикции» и снята «проблема с ложным пониманием Конвенции как субсидиарного нормативного акта, который применим лишь когда нет норм российского права, регулирующего те или иные отношения» [26, с. 289-290]. Сомнения судей относительно прямого действия Конвенции и возможности непосредственного использования ее положений в интерпретации Страсбургского суда, надо полагать, развеяны окончательно.

В то же время широкому внедрению в уголовное правосудие прецедентной практики ЕСПЧ препятствует отсутствие единой научно обоснованной методики применения решений ЕСПЧ в конкретных делах, а также отсутствие у многих судей навыков составления и мотивирования решений с использованием формулировок и позиций ЕСПЧ.

При изучении официальных судебных актов последних лет, вынесенных в ходе производства по уголовным делам и размещенных на общероссийском

сайте «РосПравосудие»³, нам предстала следующая картина. Из 611 320 различных решений по уголовным делам, вынесенных судами первой инстанции в 2016 г., ссылки на Конвенцию в той или иной форме содержит около 1 000 решений (примерно 0,2 %), а Страсбургский суд и его постановления упоминаются не более чем в 300 решениях (примерно 0,05 %). Из 152 184 апелляционных решений за тот же период ссылки на Конвенцию содержит примерно 2 000 решений (1,3 %), а упоминание ЕСПЧ — около 800 (0,5 %). Приведенные числовые данные невозможно указать более точно ввиду недостаточно корректного фильтра, установленного на указанном информационном ресурсе, однако они позволяют представить реальное соотношение судебных решений и правильно оценить масштаб обращений уголовных судов к практике ЕСПЧ. Как видно из этих цифр, в общем объеме судебных решений он невелик, но в последние годы неуклонно растет.

Прецедентное право по-прежнему не признается в России ни на законодательном уровне, ни в официальной правовой доктрине. Тем не менее суды общей юрисдикции ориентируются на выработанные Страсбургским судом правовые позиции, заимствуют из его актов юридические формулировки, раскрывающие смысл и содержание того или иного положения Конвенции, и все чаще в своих решениях по уголовным делам ссылаются на конкретные прецеденты ЕСПЧ. Правда, качество этих ссылок остается низким.

Анализ судебных постановлений по уголовным делам свидетельствует о различном уровне и разных способах использования практики ЕСПЧ уголовными судами России. По способам реализации и в зависимости от субъекта-инициатора применение решений ЕСПЧ дифференцируется: 1) на осуществленное по инициативе сторон процесса либо по воле самого суда; 2) непосредственное (прямое) и опосредованное; 3) абстрактное и конкретное.

---

³ Судебная практика // РосПравосудие. М., 2017. URL: <https://rospravosudie.com>.

1. Обычно суды обращаются к практике ЕСПЧ под влиянием сторон, по их инициативе. В этих случаях заинтересованные в деле участники судебного разбирательства аргументируют свои обращения (заявления, жалобы) или высказанные в суде позиции конкретными решениями ЕСПЧ, вследствие чего суд, проверяя доводы сторон, вынужден прибегать к анализу правовых позиций ЕСПЧ и отражать его результаты в процессуальном решении. Это в идеале, а на практике — на это указывает Бурков [24, с. 224] и свидетельствуют наши собственные наблюдения — суды нередко игнорируют постановления ЕСПЧ, на которые ссылаются стороны, ограничиваясь применением российского законодательства и используя только разъяснения высших судов РФ. Тем не менее инициативное применение судами решений ЕСПЧ тоже присутствует. По собственному почину суды обычно ссылаются на наиболее известные, неоднократно подтвержденные и устоявшиеся правовые позиции и толкования ЕСПЧ, которые созвучны российскому законодательству и проработаны в практике Конституционного и Верховного судов РФ.

2. Опосредованное применение имеет место тогда, когда суд прямо не ссылается на Страсбургский суд, но фактически использует в своем решении его правовые позиции, концепции, интерпретации прав человека и гарантий этих прав, которые были ранее восприняты Конституционным Судом РФ или Верховным Судом РФ и отражены в их разъяснениях либо уже нашли закрепление в уголовно-процессуальном законодательстве России, т.е. фактически используются судом как инструмент (средство) толкования применяемых норм национального права.

Например, широко известная концепция полицейской провокации, разработанная в ряде решений ЕСПЧ, в том числе в отношении России (например, постановления по таким делам, как «Ваньян (Vanujan) против России» от 15 декабря 2005 г., «Веселов (Veselov) и другие против России» от 2 октября 2012 г., «Лагутин (Lagutin) и другие против России» от 24

апреля 2014 г., «Носко (Nosko) и Неведов (Nefedov) против России» от 30 октября 2014 г. и др.), согласуется со ст. 5 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ, запрещающей провокацию преступления со стороны государственных органов, и в основной части воспроизводится в разъяснениях Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами» от 15 июня 2006 г. № 14 и «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» от 9 июля 2013 г. № 24. Правовые позиции ЕСПЧ, образующие эту концепцию, часто применяются судами при рассмотрении уголовных дел о взяточничестве и преступлениях, связанных с незаконным оборотом наркотиков, которые совершаются под контролем полиции и других правоохранительных органов.

Так, Северодвинский городской суд Архангельской области оправдал Бул-ва, обвиняемого в пособничестве покушению на незаконное приобретение без цели сбыта наркотического средства в особо крупном размере (приговор по делу № 1-6-2014 от 27 февраля 2014 г.). Признавая действия работников полиции провокационными и обосновывая свой вывод, суд фактически применил выработанные ЕСПЧ критерии полицейской провокации, но не привел в приговоре ни одного решения Страсбургского суда, а сослался лишь на декларативную статью 5 вышеуказанного федерального закона и п. 14 постановления Пленума Верховного Суда от 15 июня 2006 г., в котором раскрывается только один из критериев. Суд апелляционной инстанции, пересматривая дело по представлению (жалобе) прокурора, подтвердил правильность выводов суда первой инстанции о наличии провокации в действиях полиции и оставил оправдательный приговор в силе. При этом, анализируя факты, апелляционный суд использовал те же критерии оценки проведенного полицией мероприятия на

предмет его провокационности, что и городской суд, и аналогичным образом оперировал национальными нормами, ссылаясь на «смысл закона» и не упоминая решений ЕСПЧ, позиции которого очевидно использовал для раскрытия и толкования этого «смысла». Показательно, что при этом и прокурор, и возражавший прокурору защитник в письменных обращениях в апелляционный суд обосновывали свои позиции конкретной практикой ЕСПЧ.

При непосредственном применении прецедентов ЕСПЧ суд не просто учитывает правовые позиции и интерпретации Страсбургского суда, а приводит их в своем решении, ссылаясь на конкретные постановления ЕСПЧ, анализирует их содержание. Такой пример находим в постановлении Ачинского городского суда Красноярского края от 29 марта 2016 г. (дело № 1-4/2016), которым уголовное дело по обвинению Р-кой в присвоении чужого имущества в особо крупном размере с использованием своего служебного положения возвращено прокурору для устранения процессуальных нарушений, препятствующих рассмотрению дела судом. Суд признал, что дальнейшее рассмотрение в суде дела по обвинению, которое требует существенной корректировки, нарушит право Р-кой быть незамедлительно и подробно уведомленной о характере и основании предъявленного обвинения и иметь достаточное время и возможности для подготовки своей защиты (подп. а) и б) п. 3 ст. 6 «Право на справедливое судебное разбирательство» Конвенции о защите прав человека и основных свобод). Содержание и смысл данного права суд раскрыл на основе позиций и интерпретаций ЕСПЧ, содержащихся в ряде решений, в том числе и в отношении другого государства: постановление от 9 октября 2008 г. по делу «Абрамян против Российской Федерации», постановление от 5 марта 2013 г. по делу «Ва рела Хейс против Испании», постановление от 7 мая 2014 г. по делу «Сергей Чеботарев против Российской Федерации».

3. Конкретное применение решений ЕСПЧ подразумевает осознанный подбор прецедентов, анализ содержащихся в них правовых позиций и принципиальных положений, вытекающих из смысла норм Конвенции, применительно к фактам и обстоятельствам конкретного уголовного дела. При таком способе суд, как правило, указывает подлежащее применению положение Конвенции, излагает суть прецедента в сопоставлении с фактической основой рассматриваемого дела и нормами российского законодательства, использует заимствованные у ЕСПЧ аргументы и трактовки для обоснования принимаемого решения.

Абстрактный способ использования практики ЕСПЧ представляет собой формальное упоминание, простое перечисление в судебном решении тех или иных постановлений Страсбургского суда или его отдельных позиций без их анализа и без привязки к конкретным обстоятельствам дела, установленным судом. Такие мало что значащие ссылки не могут служить подтверждением того, что суд в действительности учел и применил упомянутый прецедент, и указывают лишь на стремление судьи следовать модной тенденции, создают иллюзию большей обстоятельности и убедительности выводов суда, «освященных» авторитетом ЕСПЧ. К сожалению, приходится констатировать, что в большинстве судебных решений присутствуют именно такие формальные ссылки.

Из рассмотренных способов собственно применением решений ЕСПЧ в качестве источника права можно признать лишь непосредственный и конкретный способы применения, которые хорошо сочетаются друг с другом и более эффективны. Опосредованный способ, видимо, следует отнести не к применению как таковому, а к форме учета практики ЕСПЧ в процессе принятия решения по уголовному делу, к чему Верховный Суд РФ призывал суды общей юрисдикции на втором этапе внедрения конвенционных норм в российское правосудие (2003–2013 гг.). Формальное упоминание ЕСПЧ в

судебных решениях — только видимость применения и учета его решений, прикрывающая фактическое бездействие суда в этом направлении.

Подытоживая изложенное, приходим к следующим выводам. Последние три года в уголовном судопроизводстве России наблюдается повышение активности российских судов в применении решений ЕСПЧ и использовании его правовых позиций, чему способствовало принятие Пленумом Верховного Суда РФ постановления от 27 июня 2013 г. № 21. Однако в большинстве случаев суды применяют Конвенцию и ссылаются на ЕСПЧ без анализа его решений, часто игнорируя постановления ЕСПЧ, на которые ссылаются стороны. Обращение к решениям ЕСПЧ носит преимущественно формальный и абстрактный характер либо осуществляется в опосредованной форме. Многие судьи предпочитают прямо не ссылаться на ЕСПЧ, а использовать в процессе толкования соответствующих норм российского законодательства выработанные Страсбургским судом стандарты, правовые позиции и подходы в адаптированных к российской традиции формулировках, содержащихся в разъяснениях и указаниях Конституционного и Верховного судов РФ.

Более целесообразные и результативные способы непосредственного и конкретного применения прецедентов ЕСПЧ используются в судебной практике реже. Факторами, ограничивающими и затрудняющими надлежащее и эффективное применение практики ЕСПЧ, остаются законодательная неопределенность статуса решений ЕСПЧ как источника права, а также отсутствие четких и эффективных методик составления и мотивирования судебных решений на основе правовых позиций ЕСПЧ с использованием ссылок на конкретные прецеденты. Дальнейшее развитие научных (теоретических и прикладных) исследований использования в уголовном судопроизводстве Конвенции и практики ЕСПЧ должно идти по пути конкретизации правового статуса прецедентных решений ЕСПЧ в

правовой системе России и разработки порядка (форм и методов) их применения в уголовном правосудии.

REFERENCES

1. Rui J.P. Decisions from the European Court of Human Rights: influence on Norwegian Criminal Law and Criminal Procedural Law. *Pravovye problemy Norvegii i Rossii: severnoe izmerenie. Materialy 1-i mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii «Pravovye sistemy Barentseva Evro-Arkticheskogo regiona»* (Arkhangel'sk, 27–29 aprelya 2010 g.) [Legal issues of Norway and Russia: the northern dimension. Materials of 1st International Research Conference «Legal System of the Barents Euro-Arctic Region» (Arkhangelsk, April 27–29, 2010)]. Arkhangelsk, 2011, vol. 2, pp. 27–29. (In Russian).

2. Tumanov V.A., Entin L.M. (eds.). *Kommentarii k Konventsii o zashchite prav cheloveka i osnovnykh svobod i praktike ee primeneniya* [Comments to the Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms and the Practice of its Enforcement]. Moscow, Norma Publ., 2002. 336 p.

3. Alekseeva L.B. *Pravo na spravedlivoe sudebnoe razbiratel'stvo: realizatsiya v UPK RF obshchepriznannykh printsipov i norm mezhdunarodnogo prava. Avtoref. Dokt. Diss.* [A right to a just court hearing: the implementation of universally recognized principles and norms of international law in the Criminal Procedure Code of Russian Federation. Doct. Diss. Thesis]. Moscow, 2003. 58 p.

4. Marochkin S.Yu. International Law in the Courts of the Russian Federation: Practice of Application. *Chinese Journal of International Law*, 2007, vol. 6, no. 2, pp. 329–344.

5. Nussberger A. The Reception Process in Russia and Ukraine. In Keller H., Stone Sweet A. (eds.). *A Europe of Rights: The Impact of the ECHR on National Legal Systems*. Oxford University Press, 2008. 300 p.

6. Sadchikova O.V. *Resheniya Evropeiskogo suda po pravam cheloveka i ikh znachenie dlya rossiiskoi pravoprimeritel'noi praktiki. Avtoref. Kand. Diss.* [The

decisions of the European Court for Human Rights and their meaning for Russian law enforcement practice. Cand. Diss. Thesis]. Moscow, 2009. 22 p.

7. Trubnikova T.V. Pravo na spravedlivoe sudebnoe razbiratel'stvo: pravovye pozitsii Evropeiskogo Suda po pravam cheloveka i ikh realizatsiya v ugolovnom protsesse Rossiiskoi Federatsii [A Right to a Just Court Hearing: the Legal Positions of the European Court for Human Rights and their Implementation in the Criminal Process in the Russian Federation]. Tomsk State University Publ., 2011. 296 p.

8. Morshchakova T.G. (ed.). Standarty spravedlivogo pravosudiya (mezhdunarodnye i natsional'nye praktiki) [Standards of Equitable Justice (international and national practice)]. Moscow, Mysl Publ., 2012. 584 p.

9. Vasyaev A.A., Knyaz'kin S.A. Evropeiskie standarty spravedlivogo sudebnogo razbiratel'stva po ugolovnym delam [European Standards of a Fair Criminal Trial]. Moscow, Yurlitinform Publ., 2013. 152 p.

10. Ampleeva E.E., Firsov V.V. Praktika Evropeiskogo suda po pravam cheloveka po rassmotreniyu del v otnoshenii Rossiiskoi Federatsii [The Practice of the European Court of Human Rights when Considering Cases involving the Russian Federation]. Saint Petersburg Law Institute of the Office of the Prosecutor General of the Russian Federation Publ., 2015. Pt. 1. 80 p.

11. Anishina V.I. The impact of the decisions of the European Court of Human Rights on Russian justice. *Mezhdunarodnoe publichnoe i chastnoe pravo = Public International and Private International Law*, 2007, no. 3, pp. 59–62. (In Russian).

12. Burmagin S.V. The impact of the practices of the ECHR on the system of reconsidering criminal court decisions in the Russian Federation. Isolation and unification vectors in the social development coordinate system: Peer-reviewed materials digest (collective monograph) published following the results of the 79th International Research and Practice Conference (London, March 21–26, 2014). London, Published by IASHE, 2014, pp. 106–109.

13. Burmagin S.V. Factors of influence of decisions of the European Court of Human Rights on criminal legal proceedings of Russia. *Australian Journal of Scientific Research*, 2014, vol. 2, no. 1 (5), pp. 930–935.

14. Burmagin S.V. On the impact of the decisions of the European Court of Human Rights on criminal court proceedings in Russia. *Rossiiskoe pravosudie = Russian Justice*, 2016, no. 3, pp. 83–95. (In Russian).

15. Devyatova O.V. Resheniya Evropeiskogo Suda po pravam cheloveka v mekhanizme ugovovno-protsessual'nogo regulirovaniya. Avtoref. Kand. Diss. [The decisions of the European Court of Human Rights in the mechanism of criminal procedure regulation. Cand. Diss. Thesis]. Izhevsk, 2007. 29 p.

16. Korolkov P.A. Vliyanie praktiki Evropeiskogo suda po pravam cheloveka v sfere tolkovaniya i primeneniya konventsionnykh ugovovno-protsessual'nykh norm na razvitie mezhdunarodnogo prava i rossiiskogo zakonodatel'stva. Avtoref. Kand. Diss. [The impact of the practice of the European Court of Human Rights in the spheres of the interpretation and enforcement of the conventional criminal procedure norms on the development of the international law and Russian legislation. Cand. Diss. Thesis]. Moscow, 2011. 27 p.

17. Didikin A.B. The impact of the decisions of the European Court of Human Rights on Russian court procedures. *Mezhdunarodnaya konferentsiya po problemam razvitiya ekonomiki i obshchestva* [International Conference on the Problems of Economic and Social Development]. Moscow, 2009, pp. 544–551. (In Russian).

18. Osipov A.L. Realizatsiya trebovaniy stat'i 6 Konventsii o zashchite prav cheloveka i osnovnykh svobod pri rassmotrenii ugovovnykh del sudom pervoi instantsii. Avtoref. Kand. Diss. [The implementation of the requirements of Art. 6 of the Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms in criminal trials by the court of first instance. Cand. Diss. Thesis]. Moscow, 2010. 22 p.

19. Barabash A.S. The resolutions of the European Court of Human Rights and their impact on the decisions of Russian court regarding imprisonment. *Biblioteka kriminalista = Library of a Criminalist*, 2015, no. 2, pp. 107–114. (In Russian).

20. Shutemova T.V. The influence of the court practice of the European Court of Human Rights on the ensuring the rights of the victim in criminal proceedings in Russia. *Vektor nauki Tolyattinskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Yuridicheskie nauki = Science Vector of Togliatti State University. Series: Legal Sciences*, 2014, no. 2 (17), pp. 169–170. (In Russian).

21. Burkov A. *The Impact of the European Convention on Human Rights on Russian Law: Legislation and Application in 1996– 2006*. Stuttgart, Ibidem Verlag, 2007. 135 p.

22. Rekhtina I.V. The problems of enforcing the resolutions of the European Court in civil proceedings in Russia. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya: Pravo = Herald of Omsk University. Series: Law*, 2008, no. 3, pp. 215–220. (In Russian).

23. Rekhtina I.V. The problems of using the resolutions of the European Court of Human Rights in court proceedings. *Tendentsii razvitiya sovremennoi yurisprudentsii. Materialy mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii (3 sentyabrya 2012 g.) [Trends in the Development of Modern Jurisprudence. Materials of International Research Conference (September 3, 2012)]*. Novosibirsk, 2012, pp. 21–25. (In Russian).

24. Burkov A.L. *Konventsiiya o zashchite prav cheloveka v sudakh Rossii [Convention for the Protection of Human Rights in Russian Courts]*. Moscow, Wolters Kluwer Publ., 2010. 448 p.

25. Sultanov A.R. *Evropeiskie pravovye standarty, uroki istorii i pravoprimenitel'naya praktika [European Legal Standards, Lessons of History and the Law Enforcement Practice]*. Moscow, Statut Publ., 2012. 335 p.

26. Sultanov A.R. To the 15th anniversary of ratification in Russia of the European Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental

Freedoms of November 4, 1950. Vestnik grazhdanskogo protsessa = Herald of Civil Procedure, 2013, no. 4, pp. 281–291. (In Russian).

27. Popov Ju. Rishennya Evropeis'kogo sudu z prav lyudini yak perekonlivii pretsedent: dosvid Anglii ta Ukraïni. Pidpriemnitstvo, gospodarstvo i pravo = Entrepreneurship, Economy and Law, 2010, no. 11, pp. 49–52. (In Ukrainian).

28. Pillans B. Thus far and no further. Are we saying it loud enough? The Law Commission, 2007, vol. 12 (6), pp. 213–219.

29. Barabanov P.K. Ugolovnyi protsess FRG [The Criminal Process of the FRG]. Moscow, Sputnik+, 2014, 359 p.

30. Zorkin V.D. At the Pinnacle of Court Power. EJ-Jurist, 2006, no. 41. (In Russian).

31. Zorkin V.D. The precedent character of the decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation. Zhurnal rossiyskogo prava = Russian Law Journal, 2004, no. 12, pp. 3–9. (In Russian).

32. Bondar S.N. The conventional jurisdiction of the European Court of Human Rights in correlation with the competence of the Constitutional Court of the Russian Federation. Zhurnal rossiyskogo prava = Russian Law Journal, 2006, no. 6, pp. 113–127. (In Russian).

33. Jebzeev B.S. Globalization, European consensus and the reception of European humanitarian standards: mechanisms and boundaries. Aktual'nye problemy teorii i praktiki konstitucionnogo sudoproizvodstva [Topical Problems of the Theory and Practice of Constitutional Court Proceedings]. Kazan, 2007, vol. 2, pp. 57–81. (In Russian).

34. Kovler A.I. Examiner's Independent Report and Recommendation on the PhD thesis of Mr. Anton Burkov, Wolfson College, University of Cambridge, entitled «The Current and Potential Usefulness of Regulations Made by the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation in Securing the Implementation of the European Convention on Human Rights by Russian Courts». Strasbourg, 2009.